

Вениамин Смехов

Русская классика - Песни - 1995 -
29 июня - 5 июля - с. 10.

В Безбожном переулке, в рабочем порядке...

Глава из книги «Жизнь в гостях»

Мою телефонную рецензию на прочитанный подарок — «Книгу о русской рифме» — Давид Самойлов обошел комментарием, среагировал только на предложенное мною название будущего переиздания: «Книга о вкусной и здоровой рифме».

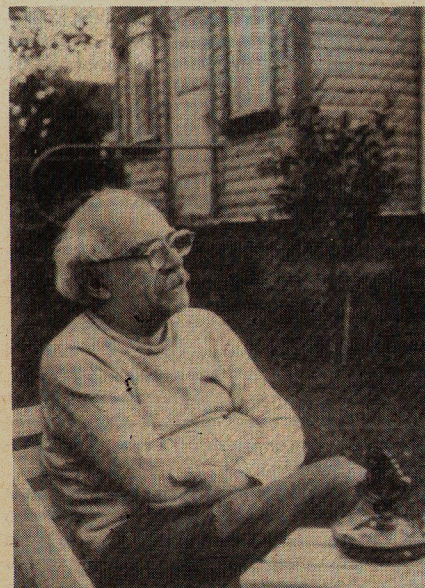
— Вот когда ты серьезно рассуждаешь — это нормально, но это, так сказать, — как все. А когда шутишь, тогда я слышу тебя самого. Не надо тебе быть слишком серьезным. Бери пример с меня!

...Какой это был редкий дар: несмотря ни на что, пройдя круги земного ада, не расставаться с улыбкой, сберечь в себе насмешливую легкость, удивлять нерасчетливым добродушием!

...Молодое время любимовского театра на Таганке, 1964—1967 годы. Придумали игру в свой театр, которая недалеко ушла от студенческого, почти эстрадного, забиячества — и по форме, и по идеям. Большинство наших друзей уважало любимовцев за дерзость, за искренность, за чистоту страстей. Ну и, конечно, за то, что мы совсем не понимали своей исторической, как теперь выяснилось, миссии. И еще за молодость и азарт.

Поэтому, толкаясь за кулисами таганской сцены, умным соотечественникам было весело убегать от самих себя — к самим себе довоенным, юным, не понимающим величия своих миссий. Давид Самойлович Самойлов сразу же запретил величать себя на «вы» и по батюшке, за просто забегал в антракте и после спектаклей, находил своих друзей и никак не утруждался соответствовать личному статусу.

Помню: Юра Карякин мудро сравнивает борьбу Любимова (и нашу веселую житуху) — с притчей о двух лягушках, упавших в банку с молоком. Одна махнула лапой и — на дно. А вторая, вроде бы, без видимого резона, как хлопает лапками, как забьется... Молоко от этого вдруг загустело, взбилось, и героиня притчи оказалась на поверхности... сметаны. Юра Карякин: «Так вот, даже если и не победите, так хотя бы сметану взобьете. И то народу польза».

Давид Самойлов. Парну, 1989 г.

но и в контроле за тем, чтобы, не «сбиваясь в кучу», индивидуально селились личности, поэты, друзья по фронту: Кульчицкий, Гудзенко, Слуцкий, Коган, Багрицкий-сын...

Когда впервые в большой примерной старой здания мы услышали композицию от Ю.П., свои стихи исполнял сам поэт: «Сороковые, роковые...» и «Перебирая наши даты»... Конечно, актеры, особенно мужики, народ вполне женский, то есть чувствительный. Но я другого случая не упомяну при авторском чтении стихов: когда красивый бариональный металл самойловского голоса впервые подарил нам:

...Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье,
А их повыбило железом,
И эха нет, одни — деревья —

я почувствовал, что реву, вытер слезы и увидел мокрые глаза моих товарищей. Необыкновенно читал Давид Самойлов. Воздушная прозрачность летящих строчек разрешала тебе, слушателю, не заметить глубины и печали, а просто относиться к стихам как к звукам. Но было в этом более важное разрешение: самому догадаться, лично соединить возвышенность стиля с ясностью подтекстов и красотой трагического замысла...

Вторит ему Дзизик Самойлов: «Юра! Вот отчего мы с тобой к ним ходим! Это единственный вид стада, где приличному человеку быть не зазорно: мы ведь и на войне сбивали сметану. И с Таганкой: сбились в кучу и взбили сметану! Пошли выпьем за свободу в вашей буче!»

...Дружно сотворился спектакль «Павшие и живые». Д.Самойлов, Б.Грибанов и Ю.Любимов значатся на афише как авторы композиции по стихам и документам. Пафос представления — антисталинский. Герои — поэты, добровольцы на кровавой сцене. Нет, не винтики, не быдло, не крикливые патриоты родины социализма. Авторство Д.С. — не только в выборе стихов и прозы, не только в способе монтажа,

Папа молод, и мать молода,
Конь горяч и пролетка крылата...

Хочется мирного мира и счастливого счастья...
Чтобы ничто не томило, чтобы грустилось
не часто...
Хочется и успеха... но — на хорошем поприще.

...Аукаемся мы с Сережей,
Но эха нет — одни деревья...

Когда на Таганке сочинялся спектакль «Послушайте!» о Маяковском, во втором акте мы с Любимовым как будто задохнулись: перебор одних и тех же тем и интонаций, повторы, громыхания... По чудесной традиции того периода Любимов вызывает «скорую помощь». Как он сам говорил: «Надо позвать умных людей, со стороны виднее, пусть посмотрят, потом вместе погалдим...»

Галдели продуктивно, весь второй акт сильно переделали, и он стал ударным. Давид Самойлов с приятелем (и даже каким-то косвенным родственником) Витей Фогельсоном много толкового предложили — для композиции стихов и речей. В основном, как помню, в лирической, смягчающей части жесткого представления. А когда через много лет после того я читал «Книгу о русской рифме», мне отозвалось из его посещения 1967 года: отвечая на вопросы актеров, он восхитил открытием тайны маяковской рифмовки... «Облако в штанах»...

Вошла ты, резкая, как «НАТЕ»,
Муча перчатки замш,
Сказала: «Знаете,
Я выхожу замуж...»

И доказал нам Дзизик, что это не рифма, а физическая боль; что переказывая страшную новость, поэт сжимает зубы, чтоб не зарыдать; что только сжатыми зубами можно протащить к рифмам «нате» и «замш» эти судорожные, усеченные «знайте» и «замуж»... И он показал — как звучит через эту рифмовку физическая боль обиды...

У Самойлова выходило, что нет хороших и плохих, а есть только поэты и не поэты; даже автора одного четверостишия можно назвать поэтом, а большого, всесоюзно знаменитого он с той же простой мимикой, с легкой улыбкой, как очевидность, лишал «звания». «Но это не поэт, все ведь ясно, это что-то другое, тем более, он и сам знает — какое...»

Когда в роли «от автора» в наших «Павших и живых» я искал правильный тон для стихов «Жди меня», Дзизик был мягко лаконичен: у Симонова ничего в стихе нет, только очень удачное слово «жди», оно и должно помогать тону.

Москва

Продолжение следует.